

Глава 1

Сначала Алле снилась тьма. Потом она услышала во сне свой голос, точнее крик: что будет?! какими станут люди?!

Она проснулась и ощутила около себя странную пустоту. Мужа в кровати не было. «А кажется, он как будто говорил, что выйдет рано утром за молоком», — подумала она.

Комната казалась опустевшей без её Стасика. Но она сладко потянулась. Заглянула в окно, в спокойное до ужаса небо. «Туда идти далеко, там нас нет и не будет», — мелькнуло в её уме. И блаженство собственного тела захватило её. Глаза светились, и было ей двадцать девять лет от роду. Утробное счастье растекалось по всем клеточкам её тела, по самым уголкам, нежным и мягким. Ей захотелось вдруг завывать от радости самобытия. И она, не стесняясь, завывала. Но в этом вое были оттенки ужаса. Ужас от того, что блаженство тела — временно и смерть где-то здесь, как всегда. И её торжествующий крик обрывался порой в бездну и в страх. И тайная угроза смерти превращала блаженство в огненное существование тела, в безумие. Всё рушилось, и всё было на месте.

Вспомнив о разуме, она внезапно затихла. Вой перешёл в мёртвую тишину. Алла чувствовала, что её дух помещён в оболочку, называемую плотью, но там тепло и уютно, и в этой оболочке — её защита от незримых демонов, блуждающих в невидимом. Алла погладила свою ножку. В конце концов, она счастлива, оттого что жива. Чего ещё надо? Нет, надо много, много. Чего? Жизни — огромной, всё заполняющей, полубессмертной. «Пока в небо не надо», — думала она.

Разум заставил её встать. «Утро, чёрт его по-бери! — подумалось ей. — Где же Стасик, куда он пропал? Наверное, ищет вкусненькое».

Накинув халат, Алла подошла к зеркалу — огромному, верному, висящему в гостиной. Квартира была не без антиквариата, в шестнадцатипятиэтажном доме в переулке за Зубовским бульваром около Садового кольца.

Зеркало светилось, настолько оно являлось чистым и вбирающим в себя.

Алла долго, долго всматривалась. И внезапно вздрогнула. В сиянии своих глаз она увидела мёртвую точку. Две мёртвые точки в каждом. Она стала пристально вглядываться в них. Алла часто смотрела на себя в зеркало, но никогда безумие не овладевало ею, даже когда она глядела внутрь себя подолгу, медленно и неподвижно, грезя о бессмертии. Но сейчас что-то ёкнуло в родимом сердце, слышать биение которого она тоже любила. Нет, не сумасшествие, а гораздо

хуже, словно оборвалось привычное бытие. Хотя подумаешь: всего лишь две мёртвые точки. Но она не могла оторваться от своих глаз. Вдруг точки исчезли. И тут же она взвизгнула от ужаса: её волосы стали казаться ей золотистыми, шевелящимися змеями. Мгновенно видение (или прозрение, как угодно) исчезло, но в глазах опять возникли две мёртво-чёрные точки. И тогда в зеркале, где-то в углу, появилось отражение Станислава, её мужа. Она обернулась: Стасик! — и задрожала всем своим блаженным телом. Никакого Стасика в комнате не было. Не было даже половины Стасика. «Бред!» Она опять взглянула в зеркало, и опять в нём явственно плыло отражение мужа. «Я погибла», — мелькнуло в уме. Оглянулась и заметалась по квартире: где Стасик, где прячется, где? В конце концов, ему около сорока — это не возраст для игры в прятки.

Но Стасика нигде не оказалось. Наконец она наткнулась взглядом на лист бумаги на письменном столе. Там было крупно написано: «Меня не ищи. Живи себе спокойно. И не заглядывайся в зеркало. Был твой Стас».

Алла ошарашилась. Подумала: её окружение слегка странное. Одних необычных книг сколько в шкафах, но такого она не ожидала! Не только её друзья, но почти все люди чуть-чуть странноватые, но Стасик...

Растерянно она снова взглянула в зеркало и отпрянула, закричав, словно истерика вошла во всё её тело: в зеркале она увидела лохматое, небритое лицо Стасика, мужа. Он улыбался гнилостным,

несвойственным ему образом. Впрочем, глаза уже были почти не его.

Алла бросилась к телефону, и одновременно ей показалось, что прекрасные волосы её, словно превратившиеся в змей, зашевелились на голове, точно желая увести её в ад. «И это мои волосы!» — завопила она в уме. Дрожащими изнеженными пальчиками набрала номер сестры.

— Ксюша, приходи ко мне! срочно! срочно! Жду тебя у подъезда! — ломано выговорила Алла.

И потусторонней пулей вылетела из квартиры, накинув на себя что попало, благо стояло лето.

Ксюша, Ксения, родная сестра, жила рядом, в десяти минутах бегом, и, перепуганная, пухленькая, она скоро явилась.

Алла бросилась ей на шею, надеясь на родство.

— Ксюшка, спаси, я сошла с ума, или, наоборот, мир спятил! — только и произнесла она.

— Чаю надо выпить, чаю, хорошего, крепкого, и всё пройдёт! — пробормотала, полуобомлев, Ксюшенька. Потом опомнилась:

— Скажи, что? что случилось? Кто? Что?

— Стасик ушёл!

— Как? Ни с того ни с сего? Он спятил?

— Хуже того! В зеркале он остался. Если не боишься, пойдём в квартиру.

Ксюшенька взглянула ей честно в глаза:

— Ты же знаешь, я многого боюсь! — воскликнула она, похолодев.

— Но всё-таки зайдём. Вдвоём не страшно. И тут же позвоним кому-нибудь из наших...

— Звонить надо Нил Палычу Кроткову. Без него в замогильщине не обойдёшься, — брякнула Ксюша, заходя в переднюю.

И тут же раздался телефонный звонок. Странно-скрипучий, неживой, но полный знания голос прокаркал, что морг пока пустует.

Алла бросила трубку и, забыв о смерти, ринулась в глубь квартиры. Ксюша, побродив по коридору, спохватилась и позвонила Нил Палычу Кроткову.

Алла, побледнев, вышла из гостиной и произнесла:

— Вещички-то уже не так стоят... Слоник на столе не туда повернулся, я точно помню — он в дверь смотрел, а теперь в окно. Часы, часы сдвинуты! — Её голос дрожал. — Оно не так, как было до того.

— Что оно?! Время, время-то сколько? — запричитала Ксюша.

— Какое время? Времени нет! — вскрикнула Алла. — Всё приостановлено!

— Да не всё, что ты бредишь? Давай-ка я взгляну в зеркало.

Ксюша подошла, чтобы посмотреть на себя, таинственно любимую, и тоненько взвыла, отбежав. Она увидела себя — да, да, это была она, Ксюша внутренне почувствовала это, — и на неё глядел толстый мальчик на игрушечном коне, с сумасшедше-изнеженным лицом.

— Смерть моя! — утробно отшатнулась Ксюша на диван.

Алла подскочила, стали разбираться — что, как, почему... и расплакались.

— Разум покидает мир, Ксения, — медленно проговорила Алла и поцеловала сестру в щёчку.

— Кошку, кошку сюда! — пробормотала в ответ Ксения. — Кошки всё поймут.

В это время в дверь осторожно постучали — Нил Палыч Кротков никогда не звонил в квартиру, а всегда стучал.

— На мой стук и мёртвые откликаются, — шамкая, говорил этот прозорливый, по слухам, старичок.

И он вошёл: болотный какой-то, потёртый, в шляпе, с седой копной волос и голубыми остановившимися глазками, какие были у него, наверное, ещё до рождения на свет.

— Нилушка, спаси! — бросилась к нему Ксюша.

И сёстры наперебой, Ксюша — подвизгивая и подвывая, Алла — вдруг холодно и интеллектуально, стали раскрывать происшедшее старичку.

Нил Палыч помолчал, только чмокнул и опустошённо поглядел на сестёр, как будто их не было. И осторожно стал осматривать квартиру; сёстры же смиренно сидели на диване, как будто их прихлопнули неземным умом.

— Ох, горе, горе! — только приговаривала Ксюша машинально.

Откуда-то из углов доносился голос Нил Палыча:

— Всё понятно... Всё на месте... Ещё Парацельс говорил...

Но особенно Нил Палыч упирал на то, что ему всё понятно.

Подошёл к зеркалу, заглянул, крикнул, но не упал, устоял всё-таки на ногах. Пробормотал только по-чёрному:

— Ничего, ничего... Это всё я предвидел... Я так и думал... Альберт Великий в этих случаях...

И вышел, шаркая ножками, куда-то в сторону.

Сёстры, встряхнувшись, словно от высшей пыли, поползли за ним, но тут Алла весело-безумно вскрикнула:

— Тень, тень его! Тень Стасика моего!

И Ксюша увидела на стене за спиной Нил Палыча огромную тень зятя своего, мужа сестры.

Но самого Станислава Семёновича, увы, нигде не было, да и тень кралась непомерно огромная, словно отделившаяся от своего создателя и источника. И, сама по себе, она ползла по стене за Нил Палычем, точно готовясь обнять его — широко и навсегда.

На крик Нил Палыч обернулся, и дорождённые, голубые глаза, будто выскочившие из самих себя, говорили, что дело плохо.

— Где Стасик-то, где сам Стасик? — заметалась Алла, бегая из комнаты в комнату и заглядывая даже под кровать.

Ксюша же опустилась перед тенью на колени, словно каясь ей.

— Прости нас, Стася, прости, — вырвалось из её уст.

И тут Нил Палыч подпрыгнул. В жизни он никогда не прыгал, а тут подпрыгнул.

— Вот этого я не ожидал! Всё теперь непонятно! Какой же я дурак! — заголосил он резвым, не стариковским, а даже полубабьим голосом. — Всё сместилось!.. Боже мой! Боже мой! Как же я не понял непонятное! Боже мой!..

И он истерично заторопился к выходу.

— Какие тут тайные науки! Ни при чём тайна!.. Всё ушло, всё перевернулось!! Это же ясно было видно в зеркале!.. Ну и ну!

И, схватив себя за ухо, Нил Палыч выскочил из квартиры.

Сёстры обалдели. Вдруг наступила тишина. И они тоже замолкли.

Внезапно сёстры почувствовали, что тишина благосклонна. Они осторожно стали ходить по квартире; всё затихло, как после катастрофы. Заглянули в зеркало: там на удивление всё нормально, словно мир опять получил разрешение временно быть.

Сёстры облегчённо разрыдались.

— Я поняла, с каждым новым рождением я буду всё изнеженней и изнеженней, — сказала наконец Ксения. — Пока не растекусь по вселенной от нежности.

— Что ты говоришь, золотко, — сказала Алла, она была чуть постарше сестры и жалела её часто ни с того ни с сего. — От всё большей и большей изнеженности ты будешь, наоборот, сосредоточиваться, станешь бесконечным и нежным центром... И меня втянешь в своё нутро, — улыбнулась Алла своим мыслям.

— Так что же нам делать? — пискнула Ксения.